

* ROZHLEDY - ZPRÁVY - KRONIKA *

Древнерусская лексикография: теория и практика

Выход в свет словаря – всегда событие, выход в свет словаря древностей – событие вдвойне. Если же лексикографическая работа содержит уникальный материал древнейших письменных памятников, лишь частично входящий в известные существующие словари, то значимость такого научного труда возрастает многократно.

В 1995 году завершено издание 3-х томного “Словаря-индекса русской редакции древнеболгарского языка конца XI–начала XII в.” (т. I, А–И, 1989 г., 338 с.; т. II, К–О, 1992 г., 246 с.; т. III, часть 1, П–С, 1993 г.; т. III, ч. 2, С–до конца, 1995 г., 511 с.), созданного под руководством Имре Х. Тота коллективом авторов в составе: Габор Балаж, Константин Босилков, Агнеш Кациба, Михай Кошич, Мария Сарваш, Иштван Феринц, Габор Хорват, Эден Хоргоши.

Словарь-индекс включает в себя “полный перечень слов и форм, которые встречаются в рукописях-источниках” (стр. I), каковыми являются рукописи и отрывки конца XI в. и первой половины XII в.: Слуцкая псалтырь (СПс), Туровские листки (ТЛ), Евгениевская псалтырь (ЕПс), Житие Кондрата (ЖК), Житие Феклы (ЖФ), Минея Дубровского (МД), Бычковская псалтырь (БПс), Реймское евангелие (РЕ), Листок Викторова (ЛВ), Русская часть Саввиной книги (СК), Ленинградская минея (ЛМ) – всего 11 текстов разного объема и содержания, которые объединены тем, что все они написаны на Руси.

Нет необходимости останавливаться на большой практической значимости такого рода труда, ведь всякому, кто брал на себя труд исследовать язык письменных памятников, всякому, кому приходилось часами, днями, месяцами делать выписки, составлять картотеки, чтобы собрать необходимый для работы материал, всякому, кому приходилось сличать выбранный материал с другими текстами и словарями, подобный полный Словарь-индекс, в который вошли не только слова с их значениями, но и формы этих слов с контекстами, дает возможность сэкономить сотни часов на кропотливой технической работе.

Несомненна и теоретическая значимость такого словаря, ведь в нем представлен лексический, морфологический, синтаксический, семантический анализ текстов, а по сути – языковая картина мира того времени сквозь призму текстов-источников и расшифровки их авторами.

Словарная статья включает в себя заглавное слово, общее количество встречаемости слова во всех текстах, помета части речи, значение на русском, немецком и венгерском языках; далее следуют все формы данного слова, приведенные в контексте или словосочетании, с указанием морфологических признаков; после контекстов даются координаты форм в текстах – индекс текста, лист, строка; при необходимости приводятся перекрестные ссылки на другие статьи словаря; далее следует перечисление тех рукописей, в которых слово встретилось; в самом конце отмечается, зафиксировано или нет слово в Словаре И. И. Срезневского, в Словаре Л. Садника и Р. Айцетмюлера, в Пражском словаре.

Большое количество проблем как технического, так и теоретического порядка были решены составителями. Это и вопросы унификации вариантных написаний, и вопросы подачи значений, и вопросы распределения слов по частям речи, и проблемы оформления статей, и мн. другие. Так, при выборе формы “черного слова” авторы словаря, включающего все словоупотребления исследуемых текстов, закономерно руководствовались конкретными, встреченными в текстах написаниями: ср., например, *пеить*⁴ (III/1, 10), *тръжище*, *тръжьникъ* (III/2, 369–370), *оутерьжати* (III/2, 422), *хльмъ* (III/2, 439), *црькы* (III/2, 453, 455), *чрьвь* (III/2, 469); но и – *въздрадовати ся* (I, 101), *възрасти* (I, 102), *змоурьна* “смирна” (I, 260), *марьтъ* (II, 59), *марькъ* (II, 59), *ноямыбрь* (II, 170), *оходити* (из *отъходити*) (II, 244), *оупостасъ* (III/2, 415), *оуль* (III/2, 397), *тръпение* (III/2, 370) и *тырпети* (III/2, 388), *храбъръ*, *храбърство* (III/2, 443) при отсутствии других вариантов этих слов, даже если такие написания отступают от этимологии слова или от принятой в других лексиконах начальной формы. При наличии в текстах графика-орфографических расхождений или при написаниях под титлами в каждом конкретном случае выбиралась одна из возможных для вынесения в заголовок форм: или принятая в словарях *октябрь* (II, 207) (в примерах только с сочетанием *-мбр-*), *каперънаоумъ* (при написаниях с ъ, ѣ, Ѻ) (II, 5–6), *климентъ* (в примере *климятъ* через “юс малый”) (II, 8), или форма, более приближенная к этимологической: *исцелити*, *исцеление* (в статьях имеются *ицелити* и *исцелити*, *ицеление* и *исцеление*) (I, 328–329), *левици* (в примерах *левци*, *левъгии*) (II, 36). В других случаях выбирается форма в старославянской орфографии: *вльхвъ* (в контекстах только *вльхвъ*) (I, 79), *дръжава* (в текстах только вариант *държава*) (I, 204), *дръжавьнь* (только *държавьнь*) (I, 217, 204), *исповедание* (примеры только с *-ье*) (I, 318), *осуждение* (из трех примеров – 2 примера с *ж*) (II, 222), *покаяние* (в примерах *-ие* и *-ье*) (III/1, 40–41), *поношение* (в примерах *-ие* и *-ье*)

⁴ Графика и орфография примеров упрощена. Титла раскрываются с помощью квадратных [ ] скобок.

(III/1, 55), *поучение* (в примерах большая часть с -*ье*) (III/1, 71), *сѣмерение* (при -*ие* и -*ье*) (III/2, 295–296), *посещити ся* (при единственном употреблении *посечеть ся*) (III/1, 68), *потребитель* и *потребити* с “*ять*” (при примерах с “*е*” и “*ять*”) (III/1, 70), *приятнь* с “*юсом* малым *йотованным*” (при примере с “*а йотованным*”) (III, 108) и др., или же форма в древнерусской орфографии: *сѣльнице* (примеры под титлом, один раз *сѣльнице*) (III/2, 291–292), *сѣмьрть* (при *сѣмьрть* и *сѣмрьть*) (III/2, 294–295), *сѣрдьце* (при примерах *срьдьце*, 1 раз *сѣрдьця* и написаниями под титлом) (III/2, 326–328), *оутвьрдити* (3 раза – *твьрд-*, 1 раз – *твьрд-*) (III/2, 423), *языкъ* (при наличии в статье написаний и с этимологическим “*юсом* малым *йотованным*”) (III/2, 489).

Варианты помещаются в отсылочные статьи: *авити* см. *явити* (I, 2), *анна* при текстовых примерах *ана* (I, 9), *бесчядьнь* см. *бецядьнь* (I, 18), *вльна* см. *вьлна* (I, 79), *время* см. *время* (через “*ять*”) (I, 83), *д[а]в[ѣ]дѣ* см. *давидѣ* (I, 184), *тело* см. *тело* (с “*ять*”) (III/2, 359), *травя* см. *трева* (с “*ять*”) (III/2, 365), *осуждение* см. *осуждение* (II, 222), *покаянье* см. *покаяние* (III/1, 40–41) и т. д. Более того, составители словаря в отдельных случаях пошли еще дальше в подаче графико-орфографических вариантов: в отсылочных статьях помещаются варианты, которые не представлены в исследуемых текстах, но которые, как известно, имеются в других древних рукописях: *бесчядьнь* (I, 18), *бечствие* (I, 19), *вредѣ* (I, 83, 84), *гьрдѣ* (I, 181), *пентикостьнь* (III/1, 8), *хрьсть*, *хрьстость* (III/2, 450), *чрьтогѣ* (III/2, 473), *чрьминь* (III/2, 469), *чюждѣ* (III/2, 477) и др. Во всех этих случаях вариант, помещенный в отсылочную статью, отсутствует в статье, к которой делается отсылка, см., например, *бецядьнь* (I, 19), *бечствие* (I, 18), *пятикостьнь* (III/1, 166), *чрьтогѣ* (III/2, 473), *чрьминь* (III/2, 473), *хрьсть* и *христость* (III/2, 447–449), *чюуждѣ* (III/2, 451–452) и др. Правда, этот принцип не проведен последовательно: нет потенциальной отсылочной статьи *търнение*, *търнение* при *търнение* (III/2, 370), при отсутствии варианта *държати* в статье *държати* нет и отсылочной статьи типа *държати* см. *държати* (I, 204, 217) и т. д.

В качестве отсылочных статей оформляются некоторые формы причастий: *еды* см. *ясти* (I, 225), *ишьд* – см. *изити* (I, 332), *сы*, *сьи* см. *быти* (III/2, 318), *суць* см. *быти* (III/2, 342). Отсылочные статьи даются в ряде случаев от образований с *не*: *небыти* см. *не* и *быти* (II, 139), *неведети* см. *не* и *ведети* (II, 140), а прилагательные и наречия на *не* разрабатываются в особых статьях *невидимѣ*, *негасимѣ*, *недвижимѣ*, *неделанѣ*, *непогыбаюции*, *нероженѣ*, *некрепькѣ*, *немокрѣ*, *нельжъно*, *немощно* и др. (II, 139–160).

Все это демонстрирует кропотливую работу составителей над заглавным словом и сложность самой задачи по сведению многочисленных вариантов, супплетивных форм и разнообразных приставочных образований к некоему единству.

Небольшим неудобством при работе с графико-орфографическими вариантами является, пожалуй, отсутствие их полного перечня после заглавного слова. Поэтому только после прочтения всей статьи, иногда довольно объемной, можно установить, встречается ли в исследуемых текстах тот вариант, который дан

в качестве отсылочной статьи. См., например, статью *човекъ* (III/2, 465–468), в которой, судя по отсылочной статье, которая находится несколькими страницами раньше (III/2, 461), есть вариант *человекъ*, ср. статьи *христь* и *христось* (III/2, 447–449), в которых отсутствуют приведенные в отсылочных статьях варианты *хрьсть*, *хрьстось* (III/2, 450). Не совсем понятно оформление в разных словарных статьях вариантов *прежде* и *преже* нар. и *прежде* и *преже* предл. (III/1, 137–138).

Чрезвычайно сложной является задача толкования слов в древних текстах и поиска эквивалентов в современных языках. Составители словаря еще и усложнили себе задачу тем, что дали значение не только на русском языке, но и на венгерском и немецком, и прекрасно с поставленной задачей справились. Значение слова в Словаре-индексе раскрывается с помощью синонимического ряда слов, ряда слов, представляющих широкое семантическое поле или несколько смежных полей, толкования, а в ряде случаев и развернутого описания реалии. Ср. *аминь* “истинно, так есть, да будет” (I, 7), *ангелъ* “ангел, божий посланец” (I, 7), *ангельскъ* “ангельский, ангелов, кроткий” (I, 8), *апостольскъ* “апостольский, апостолов, принадлежащий апостолу /-ам/” (I, 11), *богъ* “верховное существо, творец, господь, царь /или отец/ небесный” (I, 37), *божъствьнь* “как бог, духовный, наполненный богом, изумительный” (I, 42), *братъ* “родной брат, сотоварищ, собрат, соученик” (I, 46), *власти* “владеть, править, иметь, господствовать” (I, 77), *иоанъ* “Иоанн /1. И. Креститель, 2. И. апостол, 3. И. Златоуст, 4. И. мученик/” (I, 308) (иногда развернутое описание дается только на венгерском языке, см., например, статью *мария* (II, 58)), *погубити* “погубить, стубить, загубить, предать смерти, разорить, разорить, потерять, затерять” (III/1, 28), *събезначальнь* прил. “в отношении к Иисусу Христу: вместе с Отцом и Святым Духом не имеющий начала...” (III/2, 273), *седильна* “седаleen, церковное песнопение, при котором разрешается сидеть, кафизма” (III/2, 329–330), *оупостась* “сущность, одно из трех лиц св. Троицы, поддержка” (III/2, 415) и др.

Чтение семантической части статей знаменательных частей речи дает возможность не только познакомиться с семантикой слов, но и получить сведения о широте или контекстуальной конкретности значения слова в древнейших текстах, сопоставить употребление данного слова в исследуемых древнерусских памятниках с семантической потенцией данного слова и ее реализацией в других текстах, ее отражением в иных лексиконах.

Значение служебных частей речи в ряде случаев дается недифференцировано: *аще* “ли, если, когда, хотя” (I, 13), *оубо* “и так, так, в таком случае, же, потому что” (III/2, 393). Но уже союз *и* в том же первом томе (I, 266–273) разрабатывается более тщательно: указываются синтаксические функции, конструкции, в которых союз употребляется. При толковании предлогов указывается, с каким падежом и при глаголах с каким значением они используются, отдельно приведены наречные сочетания и составные предлоги, а также делаются ссылки на наречия, в качестве первого компонента которых используется данный

предлог, см., например, статьи *въ* (I, 85–93), *къ* (II, 27–29), *на* (II, 104–111), *о* (II, 176–179), *отъ* (II, 226–232), *по* (III/1, 19–22), *съ* (III/2, 271–273). Справедливости надо сказать, что с точки зрения построения статьи именно служебные слова демонстрируют некоторый разбой в оформлении, см., например, несколько различную структуру статей у предлогов *въ*, *отъ* и *о* (толкования помещаются как внутри примеров, так и выносятся перед примерами). Но, с другой стороны, это и понятно, ведь толкуемое слово в силу своей специфики в древнейший период – нерасчленность семантики, многофункциональность – требует и разного к себе отношения. Кроме того, хорошо видна “кухня” авторов, в которой решаются сложные теоретические и практические задачи, и результат работы – в каждом конкретном случае авторы останавливаются на одном из возможных вариантов подачи слова.

В словаре последовательно раздельно оформляются частеречные омонимы: *вънутрь*¹ нар. и *вънутрь*² пред. (I, 117), *въследь*¹ нар. и *въследь*² пред. (I, 125), *въсь*¹ суш., *въсь*² мест. (I, 139), *же*¹ част., *же*² союз (I, 229), *и* союз (I, 266), *и* част. (I, 273), *и* мест. (I, 274), *ли*¹ част., *ли*² союз (II, 38), *мошти* глаг., *мошти* суш. (II, 81–82), *окръсть*¹ предл., *окръсть*¹ нар. (II, 206, 207), иногда это делается и для омонимов одной части речи: *миръ*¹ “покой, спокойствие”, *миръ*² “свет, вселенная, земля” (II, 66). Но последнее скорее не правило, а исключение, так как в большинстве случаев авторы отказываются от разделения омонимов и значений одного слова: при слове, как пишет Имре Х. Тот, “дается значение или несколько значений, однако разные значения не трактуются отдельно” (I, стр. III). На практике это претворяется таким образом, что слово получает широкое семантическое толкование. Для этого есть все основания: в одних случаях контекст иллюстрирует такое недифференцированное, широкое значение, в других – контексты иллюстрируют несколько конкретных, более узких значений, или одно из приведенных в определении значений, в иных же случаях контекст, часто единственный, не дает возможности толковать слово однозначно. Так, слово *безаконие* получает толкование “беззаконность, незаконность, произвол, безбожие” (I, 14) на основании контекста *задлъжишия безаконие свое* ЖК 2а21, значение слова в котором можно трактовать, действительно, так широко; значения слов *благословение* “благословение, одобрение” (I, 24–25), *видение* “зрение, привидение, сновидение, образ, вид, призрак” (I, 72) также получают подтверждение в контекстах, иллюстрирующих возможность широкого понимания словоупотребления с точки зрения семантики; слово *въдваряти ся* “селиться, наставлять” употреблено в контексте *съ нимже въдваряешися* ЛМ 1о624 (I, 93–94), который не дает возможности конкретизировать значение; то же самое можно отметить для слов *вещание* “голос, звук, сказывание, проповедание, проповедь, поучение, предсказание” (I, 154), *глаголати* “издавать звуки, голос, кликать, звать, призывать, возглашать, восклицать, называть” (I, 164), *горе* “горе, болезнь, несчастье, беда, печаль” (I, 168), *домъ* “дом, здание, хранина, жилище, семья, домочадцы, храм” (I, 199), *дохъ* “дух /святой, нечистый, злой/, дыхание, душа, струя, ветер,

воздух, сознание” (I, 207), *нечъстивъ* “нечестивый, нечистый, злой, грешный, безбожный” (II, 159), *обрести* “обрести, найти, приобрести, достать, застать, получить” (II, 191), *пиво* “питье, напиток, благодать” *Источникъ изиде с[ъ]н[а]сънаго пива варфоломе премоудре* МД 7о64 (III/1, 10), *суета* “суета, тщетность, ничтожность” (III/2, 270), *седеть* “сидеть, пребывать, обитать, жить” (III/2, 330) и мн. др.

В то же время такой прием – использование в качестве толкующего ряда слов, достаточно далеких по значению, – приводит к тому, что контекст может быть понят совершенно по-разному: ср. *въсхытити* “восхитить, похитить, очаровать” – *къто пръвее въсхытитъ бл[а]г[о]дать* Епс 7в8 (I, 131). В других случаях лишь некоторые слова в определении раскрывают значение слова в примере. Так, в статье слова *благочъстивъ* “благочестивый, набожный, милостивый” единственный контекст иллюстрирует значение “благочестивый, набожный, праведный”, но не “милостивый”: *разоумъмъ бл[а]гочъстивъмъ ... неверьны погоуби* МД 2о618–19 (I, 26), контекст слова *брегъ* “берег, скала” (I, 47) иллюстрирует лишь одно из двух конкретных значений, как известно, именно второе. В статье *величати* приводится семантический ряд “возвеличивать, преувеличивать, восхвалять” (I, 67), но значение слова, судя по контекстам, можно описать лишь первым и третьим словами в ряду. Слово *вино* имеет значение “вино, виноград” (I, 75), но контексты подтверждают лишь значение, связанное с напитком, т. е. “вино”. Из двух сем слова *въждеleti* “/по/желать, возжаждать, возжелать, горевать” двумя контекстами подтверждается лишь первая – “желать” (I, 94).

Подобная методика, выбранная авторами, дает возможность, как уже говорилось, сопоставить конкретное употребление слова, его значение в разбираемых текстах со значением, которое оно имеет в других древнейших текстах, что значительно расширяет информативность издания. А вопрос о возможной омонимии таких образований – это вопрос сугубо теоретический и требующий изучения.

В ряде случаев авторы не отказываются и от попыток дать конкретное, а не широкое значение, опираясь и на контекст, и, например, на словообразовательные показатели слов. Так, слова *владычъствие* и *владычъство* (I, 77) толкуются соответственно как “владычество, господство” и “правление, власть”, что полностью оправдано употреблением этих основных разноссуффиксных образований: ср. *На всякомъ месте [влд]чъствие его* Епс 9в12 и *Въ пятое на десяте лето владычъства Тиверия кесаря* РЕ 10в9–10. (Понятно, что и в этом случае можно было и то, и другое слово толковать одинаково – с помощью широкого по семантике ряда слов.) Ср. то же самое в *мирънь* “мирный, спокойный” и *миръськь* “мирской, всемирный, светский” (II, 67), но уже без возможности дать широкое значение в обоих случаях. Видовая пара глаголов *поставити* и *поставляти* толкуется по-разному – “поставить, поместить, представить, предложить, доверить, указать” и “ставить, поместить”, последнее продиктовано, по всей видимости, единственным контекстом, подсказывающим конкретное значе-

ние, в статье слова *поставляти* (III/1, 63–64). Соотносимые глаголы *смясти* и *смясти ся* имеют в словаре разные значения “погубить, поразить, уничтожить” и “смутиться, смешаться, встревожиться, испугаться, быть в смятении, привести в замешательство” (III/2, 297–298). Вообще говоря, в словаре одноосновные возвратные и невозвратные глаголы последовательно оформляются в качестве разных слов и во многих случаях получают разное толкование: *въздвигнути* “воздвигнуть, поднять, простирать, возносить, побудить” и *въздвигнути ся* “всходить, подняться” (I, 100), *въложити* “положить, класть, наложить” и *въложити ся* “положиться” (I, 105) и др.

Глаголы толкуются по большей части одновременно современными глаголами разного вида, что оправдано, если учесть историю складывания категории вида в древнерусском языке: *поставляти* “ставить, поместить” (III/1, 63–64), *постигнути* “догнать, настигать, достичь, найти” (III/1, 64), *съвещати* “совещать, договориться, согласиться” (III/2, 283), *съказати* “говорить, сказать, сообщить, возвестить, называть, рассказать, передать, указать, показать” (III/2, 287), *оучинити* “делать, совершать, устраивать, ставить” (III/2, 429) и др. Впрочем, иногда и последовательно глаголами одного, соответствующего вида: *призввати* “призвать, подзвать, вызвать”, *призываети* “призывать, созывать, приглашать, звать” (III/1, 86–87) и др. Некоторые контексты помогают развести такие случаи. Например, при толковании глаголов *основати* и *оснывати* (II, 218) с эквивалентной семантикой, но при разном грамматическом употреблении – *тъ на морихъ основаль ю есть...* Бпс 7al1, *оснываяи землю на тверди своеи* Епс 10г2 – авторы для первого глагола дают ряд глаголов совершенного вида – “основать, построить, создать, утвердить”, для второго – и несовершенного: “основывать, положить, поставить” (ср. также разные ряды раскрывающих значение современных слов, хотя в данном случае, видимо, надо говорить о паре глаголов с полностью идентичным лексическим значением).

Во многих случаях в синонимический ряд толкований входят формальные эквиваленты современного русского языка, соответствующие по семантике древним лексемам: *благOVERьнь* “благOVERьный, набожный” (I, 20), *благодать* “благодать, милость” (I, 21), *обревание* “обревание, праздник о. Христа” (II, 190), *обрезати* “обрезать, совершать ритуальный обряд обрезания” (II, 190), *обременити* “обременить, отяготить” (II, 191), *обрести* “обрести, найти, приобрести, достать, застать, получить” (II, 191), *погнати* “погнать, прогнать, преследовать, сопровождать” (III/1, 29), *оулучити* “улучить, получить, достигнуть” (III/2, 408) и др.; – в других случаях толкующая часть включает только такой эквивалент: *воскъ* “воск” (I, 82), *вънь* нар. “вон” (I, 117) (хотя можно было бы добавить “наружу”), *въне* “вне” (I, 117), *евангельскъ* “евангельский” (I, 224), *евреискъ* “еврейский” (I, 224), *жизнь* “жизнь” (I, 236), *морьскъ* “морской” (II, 80) и др.; – в третьих случаях подобный эквивалент в синонимическом ряду отсутствует: *безаконие* “беззаконность, незаконность, произвол, безбожие” (I, 14), *болезнь* “заболевание” (I, 43), *мытарь* “сборник пошлин”, *съсекати* “усекать, отсекаать” (III/2, 310) и др.

Как нам кажется, прием использования формального эквивалента не всегда целесообразен в связи с его значением в современном русском языке: *подвинуть* “подвинуть, возбудить, поднять” (III/1, 31), контекст *языкъ ми подвигни и слово исправи на пение твое* МД 13об 8 подсказывает значение “подвинуть, побудить”; *оупаяти* “упаивать, напаять, полить” (III/2, 414), в то время как “напаять” в современном русском языке это “поить до насыщения или до опьянения” (С. И. Ожегов “Словарь русского языка”, М., 1975, стр. 351), а “упаивать” – “поить до сильного опьянения”. Приведем еще примеры не совсем удачного, как нам кажется, толкования, что может привести к нежелательным для неискушенного читателя последствиям. Так, в ряде “горный, высокий, вышний, верхний, небесный” в статье *горнь* слово “горный” явно лишнее (вм. “горный”?), то же в *земьскъ* “земский, земной” (I, 258), так как в русском языке *земский* – “относящийся к земству”, то же в *мытарь* “мытарь, сборник пошлин, податей, мздоимец” (II, 91), в современном языке *мздоимец* – “взяточник”, то же в *припасти* “напасть, припасть, преклониться” (III/1, 97–98), так как для *напасть* в настоящее время основное – “выступить против кого-либо, наброситься на кого-либо”. В других случаях желание составителей показать широту семантики слова с помощью большого ряда синонимов приводит к включению в него слов, отсутствующих в современном русском языке, устаревших, см., например, *въистину* “воистине, истинно” (I, 112), *вещание* “голос, звук, сказывание, проповедание, проповедь, поучение, предсказание” (I, 154), *грешьничъ* “грешничий, нечестивый” (I, 179), *потлькнуги* “потолкнуть” (III/1, 69), *прозябати* “прозябать, прорасти, прозращать” (III/1, 110), *състарети ся* “состареться, состариться, стать старым” (III/2, 310), *оуширити* “уширить, расширить” (III/2, 430), что заставляет искать значение уже самих слов-толкований.

И все же мы бы не решились отнести сказанное к недостаткам словаря, так как подобное разнообразие в подаче толкований делает словарь не застывшим, тщательно обработанным собранием слов, а живым, многообразным организмом, в котором каждое слово живет своей жизнью.

Информация о фиксации слов в других словарях крайне интересна с точки зрения уникальности как самих исследуемых текстов, так и, конечно, рецензируемого словаря. Большое количество слов, как показывают авторы, не вошло в предыдущие масштабные лексикографические работы, с которыми проводится сопоставление. Это касается, например, слов *бесчеловечество* (I, 18), *блажити ся* (I, 28–29), *богогласъ* (I, 33), *богозрачьнь* (I, 33), *възвужъ* “ремень, повязка” (I, 98), *въсетихъ* (I, 138), *доуновънь* (I, 206), *источь* “источник, течение” (I, 324), *мирьсенеонъ* (II, 103), *наошение* “клевета, наговор” (II, 116), *огневештаньнь* (II, 199), *остроупати* “покрыть ранами, струпами” (II, 221) (заметим все же, что у Срезневского есть *остроупити* – Срезн. II, 746), *потлькнуги* “по[д]толкнуть” (III/1, 69), *съзажду* “сзиди” (III/2, 286) (в Slov. IV вариант – *съзадоу*), *тъзьне* “равно, одинаково” (III/2, 386), *оуладовати* “доставлять наслаждение, удовольствие” (III/2, 417) и мн. др.; а слова *благовонити* (I, 20), *брачьно* “свадебно”

(I, 47), *въсловесити ся* “вмениться, преобразоваться” (I, 125), *огнедѣхновѣнь* “вдохновенный, исполненный огня” (II, 199) и нек. др. встречаются только у Срезневского. Такого рода сведения значительно увеличивают информативность словаря, одновременно давая удобный инструмент для сравнительной работы над лексикой древних текстов.

Морфологические признаки слов даются полностью, см., например, словарную статью любого глагола. У других частей речи указываются также лексико-грамматические и малочастотные категории. Так, особыми пометами отмечаются собирательные – *дети* (I, 221), *камение* (II, 3) – и личные существительные – *иоанъ* (I, 308), *климентъ* (II, 8), *коньдрать* (II, 11), географические наименования – *миръсенеонъ* (II, 103), *халдея* (III/2, 436–437) и др. Отмечается сравн. степень прилагательных: *креплии* (II, 24), *лише* (II, 42) и др.

При обозначении падежа для известных случаев употребления одушевленных существительных в форме родительного в значении винительного при переходном глаголе, а также местоимений, прилагательных и причастий используется помета вин.-род. (а также *род.-вин.*, см., например, I, 275): *въсего мя чл[о]в[е]ка обнови падѣша* МД 8а7 (I, 139), *Всехъ бо въпиюущихъ послушаетъ б[ог]ъ* Епс 1а13 (I, 140), – а также помета *им.-зват.* для случаев типа *добрыи рабе бл[а]гъи и верьне* ТЛ4а1, 4а8 (I, 197), правда, не очень последовательно: ср. в статье *зльъ* муж. зват. ед. – *зльи рабе и ленивыи* ТЛ 4о62 (I, 263), а в статье *ленивъ* для того же контекста – уже муж. им.-зват. ед. (II, 48). В то же время иногда, как нам кажется, подобные двойные пометы явно излишни, например, в таких случаях, как *глагола има* СК 158а7, *рече къ нима* СК 155а9 и *съ нима* СК 155а7, СК 156а11 (I, 281), но в словаре все они даны с пометой дат.-твор. дв. В очень редких случаях можно заметить пропуск важных для морфологического понимания слова признаков: ср. *девять* числ. (без порядк.) (I, 191). Можно указать и на другие случаи отсутствия помет, а также странного порядка их следования. Так, в статье слова *божии* перед разделом форм среднего рода нет пометы “ср.” (I, 41, строка 15 сл.), в статье *молити ся* нет пометы “прич.” перед соответствующим разделом (II, 78) и нек. др.; при принятом в словаре порядке следования падежей – им., вин., род., дат., твор., мест., зват. – этот порядок иногда нарушается: в статье мест. *вы*, например, другой порядок – им., вин., дат., род. (I, 133–134). Но скорее всего это произошло по техническим причинам.

Сложным вопросом является вопрос о подаче в словарях так называемых субстантивов. Ни в статьях глаголов (в разделе причастий), ни в статьях прилагательных не встречается помета “в качестве существительного”, которая бы указывала на особое синтаксическое употребление подобных прилагательных и причастий, как это делается в некоторых других словарях и предлагается в некоторых теоретических работах. Нет нужды демонстрировать многочисленные контексты, которые дают право выделять эту семантико-грамматическую категорию слов: ...и не чоу бывѣшихъ в немь СК 155а16–17 (I, 59), *иде въ себе дивя ся бывѣшоуому* СК 154о617–18 (I, 59), *Не веровавъшихъ пр[и]шествию*

г[осподь]ню въ[зда]сть геоньская обештанья Епс 1461 (I, 151), *верныхъ же просвети ср[ъдъ]ца* МД 80б14 (I, 153), *глушии слышатъ и мрътви въстаутъ* РЕ 16а3 (I, 165), и *нечъстивымъ и грешнымъ по деанью ихъ* Епс 3в13 (I, 180), *Основавъ земляная последоваль еси х [...]* *знаменава сѧ* МД 1а21 (I, 254), *Не требуютъ съдравию врача нъ болящеи* ТЛ 10о68 (III/2, 285), см. также формы мн. в статьях *кроткъ* (II, 17), *правдѣнь* – *Възвеселите сѧ правдѣнни о г[осподь]и* Епс 5г17 (III/1, 79–80) (ср. в Старославянском словаре – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994 – *правдѣнни муж.* в знач. сущ. *не повинень есмь отъ крѣве сего правдѣнаго* – с. 497); *вышнь* – *и будете с[ы]н[о]ве вышньнаго* ТЛ 10а5, *слава въ вышньныхъ б[ог]у* и *на земли миръ* РЕ 5617 (ср. **вышньни** в знач. суц.: *ты отроя пророкъ вышньного наречеши сѧ, вышньня с. мн. в знач. суц.: осана въ вышньныхъ* – Ст.-слав. словарь, с. 161). Во многих случаях о субстантивации таких образований говорит их употребление с предлогом: *д[о]уша его въ бл[а]гыхъ въдварить сѧ* БПс 80б6 (I, 27), *въ н[е]б[е]сньныхъ веселя сѧ* МД 6а21 (II, 137), *Чл[ове]ку въ н'ъже облече сѧ събъздвиге и съпосади на н[е]б[е]сньныхъ* Епс 9а9–10 (II, 137), *С[вя]то с[вя]того въ с[вя]тыхъ почивающаго варнава проповедалъ еси* МД 12а5 (III/1, 225). Особо следует отметить, что в некоторых статьях Словаря-индекса примеры, которые следует трактовать как субстантивы, просто преобладают: см., например, статьи слова *нечъстивъ* (II, 159–160), *ништъ* (II, 166–167).

Надо сказать, что авторы, видя такое несоответствие употребления, синтаксической роли, значения, с одной стороны, и грамматических помет, с другой, все же в ряде случаев дают соответствующий комментарий: *възлюблене* (I, 106) *Великыи с[ъ]н[а]с[о]въ ап[осто]ле явениемъ очемъ съподоби сѧ възлюблене* МД 14о612 (=возлюбленный, милый/ (ср. в Толковом словаре русского языка под ред. Ожегова – *возлюбленный* сущ. “любимый человек” (85)), – а то и, несмотря на последовательно проведенный принцип не выделять субстантивы, все же обозначают их как существительные: *въселеная* сущ. жен. “вселенная, целый свет, вся земля, космос” (I, 121), *поганъ* сущ. муж. “язычник, православный” (III/1, 26).

Однако, повторяем, этот вопрос во многом еще не разработан и последовательное выделение субстантивов такого рода не проведено ни в одном словаре в силу неоднозначности решения проблемы.

Другим сложным случаем разграничения частей речи является омонимия существительных, прилагательных и наречий типа *благо*, *добро* и т.п. В каждом конкретном случае авторы подходят к слову индивидуально, в зависимости от употребления и функции в тексте. Так, *благо* дается как имя существительное (I, 19–20); слово *добро* в *нестъ добро отяти хлеба отъ чядъ* ТЛ 6а13 (I, 196) трактуется как наречие (однако заметим, что оно может быть охарактеризовано и как имя существительное).

В Словаре-индексе вопрос о принадлежности субстантивов (в словаре – прилагательных) и анафорических местоимений и зависимых от них слов к тому

или иному роду решается традиционно: слова, указывающие на одушевленные предметы, характеризуются как слова мужского рода, слова, указывающие и обозначающие неодушевленные конкретные понятия, – как слова среднего рода, а слова, указывающие на неодушевленные абстрактные понятия, – как слова женского или как слова среднего рода, ср.: муж. вин.-род. мн. *въсехъ вѣрныхъ* Епс 5в16 (I, 140), муж. дат. мн. *възвестиши ... въсемъ прочимъ* СК 154о61–2 (I, 140), ср. дат. мн. *яко подобаетъ съкончати ся въсемъ написанымъ въ законе мосеове* СК 157а13 (I, 143), жен. твор. множ. *владущаго всеми видимыми* ЛМ 1а20 (I, 75) (показательно, что последний пример в статье местоимения *въсь* попадает в раздел форм ср. рода – I, 144), ср. им. мн. *теми бо просветиши ся въсячьская* Епс 4в4 (I, 145), ср. вин. мн. *оживити всячьская* ЛМ 1о612 (I, 145) и др.

Огромную роль в важности и необходимости этого издания не только для специалистов, но и для широкой аудитории интересующихся древнерусскими текстами, шире – славянскими древностями и славянскими языками, имеет, несомненно, толкование каждого слова на немецком и венгерском языках. Значимость издания возрастает еще более, если отметить точность передачи контекстов в Словаре-индексе. Известно, что лингвистическая значимость работы, широта и активность использования в исследованиях различной направленности материалов словаря зависят, в частности, от адекватности передачи примеров оригиналу. Известно, насколько важно при решении некоторых проблем фонетики разграничение положения букв в середине и на конце строки, какое значение имеют надстрочные знаки (в частности, паерки) в восточнославянских рукописях, которые в ряде случаев столь же показательны, как и редуцированные гласные, – во всем этом, не говоря уже о передаче диграфов, юсов, букв “кси”, “пси” и других особенностей графики, авторы скрупулезно точно и последовательно следуют за древними текстами.

И последнее, что хочется отметить. Большая часть высказанных мыслей по поводу этого прекрасного издания, с которыми авторы Словаря, быть может, не согласятся, родилась после знакомства с контекстами, при сравнении предложенных авторами толкований, как семантических, так и грамматических, с конкретным употреблением, родилась при прочтении словаря как единого корпуса текстов и их расшифровки и комментирования. Если бы авторы отказались, как это принято в других изданиях, от максимально полного иллюстрирования слова всеми контекстами, если бы грамматические части статей не были столь тщательно разработаны, если бы был выбран более однообразный принцип толкования значения слов, то мы бы не смогли увидеть той “кухни”, на которой рождалось понимание материала, не смогли бы увидеть живой процесс обработки, осмысления и оформления слова как лексикографической единицы во всем многообразии встающих проблем и возможностей их решения, а сам словарь и его значение для последующих работ в области древнерусского языка потеряли бы тот стержень, ту ничем не заменимую основу, которые и помогают при-

общиться к работе этого коллектива ученых, стать свидетелями их труда, и, в конце концов, если бы Словарь был другим, не было бы и большей части тех мыслей, которые родились при его прочтении.

Этот Словарь представляется нам живым организмом, плоть которого дышит и подвижна, подобно самому древнему тексту и слову. И тело это не закаменело в своей несомненной правильности и организованности, как не может закаменеть сам язык, а находится в процессе развития, изменения и совершенствования.

Виктор Баранов (Ижевск – Брно)

Mezinárodní rusistická konference

Ve dnech 11. a 12. září 1997 uspořádala katedra ruského jazyka a literatury Filozofické fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě mezinárodní konferenci pod názvem *Сопоставительное описание статистики и динамики современного русского языка в теоретическом и прикладном аспектах*. Spolupořadatelé byly organizace Roszarubežcentr na Slovensku, Rakouský institut pro záležitosti jižní a jihovýchodní Evropy a Asociace rusistů Slovenska. Účelem zasedání, kterého se zúčastnili kromě domácích odborníků též rusisté z Ruska, Běloruska, Ukrajiny, Srbska, Maďarska, Rakouska a České republiky, byla prezentace dílčích výsledků vědeckého výzkumu přítomných lingvistů, kteří pracují v oblasti jazykovědné rusistiky.

Plenární zasedání prvního dne zahájil vedoucí katedry ruského jazyka a literatury FF UK doc. PhDr. Rudolf Blazsek, CSc. Zmínil se o úloze ruského jazyka v současném světě a o jeho nynějším postavení na Slovensku, tj. v době, kdy přestal být povinným vyučovacím jazykem na základních a středních školách. Za vedení bratislavské univerzity uvítal shromážděné jazykovědce její prorektor doc. PhDr. Ivan Brezina, CSc., a děkan FF UK doc. PhDr. Ladislav Kicko, CSc. Jménem Asociace rusistů Slovenska pozdravila přítomné její předsedkyně PhDr. Eva Kolárová. Zahájení se zúčastnil též tajemník velvyslanectví Ruské federace a zástupce organizace Roszarubežcentr na Slovensku Viktorin Petrovič Mičurin.

Podstatná část dopoledního zasedání prvního dne proběhla v plénu. Byly vyslechnuty tři referáty. Jako první vystoupil představitel hostitelského pracoviště **P. Šíma**, který se v obsáhlém referátu dotkl otázky příčin shod a rozdílů obsahových a výrazových prostředků různých jazyků; důležité je, zdůraznil, uvědomit si, že jazyk má stochastický charakter. Rozbor kompletivních vztahů u verbonominálních spojení v ruštině v porovnání s jinými slovanskými jazyky podal **B. Stankovič** (Bělehrad). Poli-